

Странные вещи происходят в этом датском королевстве. Сначала некая группа людей заявляет, что факт эволюции доказан наукой, что летопись ископаемых настолько красноречива, что ее распирает от доказательств родства с обезьянами... А при первой же просьбе показать эту родню оказывается, что все присутствующие разыгрывают некую сценическую миниатюру типа - кого бы вы предложили в родственники, если бы эволюция была правдой? Повторяю, так ведут себя люди, которым не нужны доказательства. Ведь как мы можем убедиться, незнание чего-либо об эволюции представляет всего лишь проблему для нашего любопытства. Читайте, господа, смотрите и слушайте. Вот оно, наглядное пособие, честное признание, полученное без применения угроз и пыток, отражающее позицию «современной эволюционной науки» - **ОТСУТСТВИЕ ФАКТОВ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПРОБЛЕМОЙ ДЛЯ ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ.**

Представьте, что к вам в квартиру начальник ЖЭКа и участковый приводят незнакомого небритого субъекта и говорят, что он ваш родственник, родной брат, и на этом основании отныне будет жить у вас. «Но я этого человека впервые вижу! - возражаете вы. - У меня нет никаких неизвестных мне братьев! Тем более таких, татуированных и с железным зубом». - «Ну, это не важно, - говорит участковый. - Возможно, что он вам брат не родной, а двоюродный. Это ничего, что у вас нет ни дяди, ни тётки, да и он сам, по правде говоря, не знает, кто его родители. Но вы же понимаете, что мы говорим о вашем родстве *в терминах вероятности*. Ну, не родственник он, зато вполне мог бы быть родственником. Незнание точных данных об этом человеке представляет проблему не для вашей семьи, не для безопасности вашей квартиры и не для сохранности ваших денег, а исключительно для вашего собственного любопытства - родственник он вам всё-таки, или же это просто какой-то уголовник так придумывается?».

Признание кого-то побочным, боковым предком **при отсутствии прямого** - на это способны, кажется, только адепты эволюции. Впрочем, родственники в виде обезьян (обязательные, хотя и вероятностные), судя по всему, **нужны только тем, кто их упорно ищет**. В этих заметках я не поднимаю вопросы этического плана и не предлагаю читателю своих рассуждений об особой сущности человека, при наличии которой вопрос родства с животными просто не имеет смысла.

AD NOTEM

СОДЕРЖАНИЕ

2

Черная обезьяна в темной комнате
Часть 1.

Гл. редактор

Горяинов А.Е.

Редактор

Виолован К.Е.

Консультанты

д.ф-м.н.
(ядерная физика)
Ольховский В.С.

д.б.н.
(биология)
Сидоров Г.Н.

к.г-м.н.
(геология)
Лаломов А.В.

(биохимия)
Виолован К.Е.
(физика земли)
Головин С.Л.

Литературный редактор

Евдокимова Н.А.

Корректор

Серебрянская В.А.

Набор и верстка

Головко А.А.

Адрес редакции
95011 Симферополь
«Момент Творения»

Права защищены.
Любое использование материалов или фрагментов из них может быть только с наличия разрешения редакции.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов.
Ответственность за достоверность информации несет автор публикации.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Алексей Милюков

ЧЕРНАЯ ОБЕЗЬЯНА В ТЕМНОЙ КОМНАТЕ*

часть 1.

Из материалов последнего времени, посвященных происхождению человека, мое внимание привлекла книга Леонида Вишняцкого, научного сотрудника Института истории материальной культуры РАН. Открыв книгу, я обнаружил ряд интересных моментов. Во-первых, ее автор к моей тайной радости оказался еще не самым законченным догматиком из числа тех, кто ко всему подходит с эволюционной «рулеткой» и у кого убеждения бегут впереди всякого анализа и смысла. Несмотря даже на обилие эволюционной риторики, автор, как мне сразу показалось, не столько защищает эволюцию, сколько действительно хочет разобраться в ее сложностях. Во-вторых, эта книга, на мой взгляд, в полном, что называется, объеме демонстрирует проблемы, стоящие ныне перед идеей эволюционного антропогенеза (происхождения человека). И, в-третьих, книга «История одной случайности...», на мой взгляд, просто неплохо написана – лично я ее прочитал с большим удовольствием, местами переходящим в злорадство (шутка). Как бы там ни было, эта книга – очень хороший повод поговорить об антропогенезе.

Однако, давайте от первых общих впечатлений перейдем к более подробному рассмотрению книги.

Два самых важных вопроса из длинного списка проблем, стоящих перед теорией эволюции, Л. Вишняцкий оглашает в первом же абзаце:

«Эта небольшая книга – об антропогенезе. ... Не столько о том, КАК совершалась эволюция человека, сколько о том, ПОЧЕМУ она совершалась, почему антропогенез вообще состоялся и почему это был именно АНТРОПОгенез. Иными словами, все написанное ниже представляет собой, прежде всего, попытку ответить на вопрос: было ли появление человека результатом игры слепого случая, осуществлением одной из множества примерно равновероятных возможностей, или, напротив, реализацией некоей «магистральной» тенденции в эволюции живого, следствием ее объективной устремленности к вполне определенному финалу?». **

Отказ рассматривать вопрос «как совершалась эволюция» собственно и вызвал у меня моментальное «расслабляющее» доверие к этой книге – скажем сразу, что такая позиция автора, имея она место в действительности, дорого бы стоила, ибо ему не пришлось бы, подобно большинству нынешних «ученых», врать не моргая и сочинять смешные байки о том, как капля слизи превращалась в человеческий глаз или потовые железы предков млекопитающих – в соски для кормления детенышей.

* Комментарии к книге Л. Б. Вишняцкого «ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЛУЧАЙНОСТИ или Происхождение человека».

< http://stratum.ant.md/01_99/articles/vishneatskii/vishn_99_01_v.htm >

** Здесь и далее оригинальный авторский текст представлен курсивом, комментарии А. Милюкова – обычным текстом.

ва, а мизерность пробелов уже не может породить никаких сомнений в нашем родстве с обезьянами, то это означает только одно – **настоящему эволюционисту не нужны никакие свидетельства и никакие ископаемые**, все выводы им уже сделаны заранее.

Реальное же положение дел с летописью ископаемых наглядно демонстрирует та часть книги Л. Вишняцкого, которую мы рассмотрели. И положение это таково, что каждая новая находка является чуть ли не катастрофой для теории эволюции. Расхожая фраза эволюционистов: «летопись окаменелостей постоянно пополняется, уточняя общую картину эволюции» – это своеобразный словесный выверт, означающий, что каждая новая находка еще больше запутывает общую картину. Вместо ожидаемого уточнения и сужения круга поисков старая схема расплывается как на дрожжах, бюрократически раздувается и требует всё новых и новых объясняющих ее фантазий (например, кто такой *Sahelanthropus tchadensis* и почему у него гоминидных признаков больше, чем у австралопитеков?). Адептам эволюционизма становится всё труднее даже **договориться между собой**, около человеческого рода уже топчется целый полк кандидатов в родственники, постоянно подтягиваются всё новые и новые... и становится ясно, что некий критический порог ожидания уже пройден, уже не будет и не может быть найдено никакой еще неизвестной доселе массовой формы обезьяночеловека. Летопись окаменелостей красноречива только в одном смысле, отражая факт, с которым нельзя не считаться – по одну сторону некоей разделяющей пропасти стоят **животные**, по другую – **люди**.

«Обезьянолюбы», как это ни прискорбно сознавать, попали в ловушку, в яму, вырытую их собственными руками. Кто их тянул за язык? Теперь они выглядывают из этой ямы, ущемленные своими же капканами и ощутимо придушенные своими же удавками. А эти фантазийные филогенетические схемы из стрелок, пунктиров и вопросительных знаков уже всё хуже и хуже скрывают реальное положение дел – человек в палеонтологической летописи появляется НИОТКУДА. **У человека нет ни эволюционных предков, ни родственников в виде связующих звеньев с животными.**

Честно говоря, я до сих пор не могу привыкнуть к тому апломбу и той самоуверенности, с которыми выдают свои суждения многие знакомые мне адепты эволюционизма. Такая самоуверенность, казалось бы, должна иметь под собой серьезное обоснование в виде фактов и доказательств. Но в подавляющем большинстве случаев при ближайшем рассмотрении все их «факты» и «неопровержимые доказательства», равно как и все их крики: «банзай!» («наукой окончательно доказано!») заканчиваются одним и тем же – играми в предположения и вероятности. А вы что подумали?

«Действительно, мы можем говорить о том, что те или иные гоминиды являются нашими прямыми предками лишь в терминах вероятности. Например, весьма вероятно, что нашими прямыми предками являются австралопитеки. Но точно мы не знаем. Может быть, они были прямыми предками другой, родственной нам группы людей. Если так, то австралопитеки являются не нашими прямыми предками, а ... нашими «побочными предками». ... Одним словом, мы не знаем, являются ли те или иные ископаемые гоминиды нашими прямыми предками. Это представляет проблему не для теории эволюции, а для нашего любопытства (! - А.М.)» (Атеолог, «Креационные войны», консультант работы Н. Борисов).

«По мнению Ф.Тобайаса - одного из «крестных отцов» *Homo habilis* - историю с обнаружением и выделением этого таксона можно рассматривать как пример «преждевременного открытия» (Tobias 1991, 1996). ... Давно уже было замечено, что материалы, относимые к *Homo habilis*, – а в основном это фрагменты черепов – довольно полиморфны. Свойственная им высокая степень вариабельности, явно превышающая таковую у современных людей (Kramer et al. 1995), может объясняться по-разному, например, хронологическими различиями или развитым половым диморфизмом в пределах вида, но в последнее десятилетие возобладала тенденция рассматривать ее как результат **таксономической неоднородности группы**. Стали проводить различие между *H. habilis sensu lato* (хабилис в широком смысле) и *H. habilis sensu stricto* (т.е. хабилис в узком смысле или собственно хабилис), и те находки, которые не могут быть отнесены к последнему таксону, зачислять в вид *H. rudolfensis* (Wood 1992; Kimbel 1995; Lieberman et al. 1996; Strait et al. 1997). ... Филогенетическое и даже хронологическое соотношение вновь образованных таксонов оценивается по-разному, и по вопросу о том, к какому из них относить те или иные конкретные образцы тоже нет единства мнений. В частности, в то время, как одни авторы включают знаменитый своими большими размерами череп KNM-ER 1470 (восточное побережье озера Туркана [Рудольф]) в группу *H. rudolfensis* (Wood 1992; Kimbel 1995), другие определяют его как *H. habilis*, а к *H. rudolfensis* относят, наоборот, черепа меньшего размера (Rightmire 1995: 490). Первый вариант предполагает, что *H. rudolfensis* был предшественником (хотя не обязательно предком) *H. habilis*, второй же допускает сосуществование обеих групп.

Судя по имеющимся сейчас данным, хабилисы в широком смысле жили от примерно 2,4 до примерно 1,7 млн. лет назад, после чего им на смену пришли более «продвинутые» гоминиды. Невозможно точно сказать, какая из двух (или трех?) форм *Homo habilis sensu lato* ближе стоит к главному стволу эволюции человека, **но других вариантов, кроме как выводить позднейших *Homo* из хабилисов, не существует**. «Массивные» австралопитеки для этого вряд ли годятся (слишком специализированы, а к тому же почти наверняка сосуществовали с *Homo erectus*), а других ископаемых подходящего возраста пока просто нет. Да и сам хабилис, как **возможный предок, в конце концов, не так уж плох**».

Не знаю, кому как, но мне это напоминает: «Другого народа у нас нет»...

Что ж, надо брать, что дают, а то и этого не останется.

Начали-то за здравие... Подводя первые итоги, хочу сказать уже не только о книге Л. Вишняцкого, но и общем подходе ученых-эволюционистов к проблеме переходных форм вообще. Как правило, общая тональность большинства работ на эту тему - высокий стиль победного рапорта и высокомерные реплики в сторону инакомыслящих: «Эволюция - доказанный факт! В летописи ископаемых еще остаются пробелы, но каждый год приносит все новые и новые открытия, лишь подтверждающие общую картину...» (даже уважаемый Л. Вишняцкий не избежал поначалу этой родовой травмы всех эвасловов, хотя и показал в дальнейшем истинное положение дел на этом участке эволюционного фронта). Можно до бесконечности вызывать к совести оппонентов, напоминая им о критериях и методах «строгой» науки в применении к их вольным фантазиям, однако всегда полезно помнить, что пресловутый 140-летний проект под названием «поиск переходных форм» является для многих из них лишь дымовой завесой, фиктивной декларацией о намерениях. Когда тот или иной эволюционист заявляет, что, скажем, летопись ископаемых жутко красноречи-

Итак, предупреждаю честно, - как бы заявляет автор, что врать как все, не буду. Вопросами номер один и номер два в этой книге становятся две «другие головные боли» эволюционистов – какая сила направляла и собственно придавала эволюции прогрессивный характер, вопрос, выражаемый фразой «ПОЧЕМУ она совершалась». И «почему это был именно АНТРОПОГЕНЕЗ», то есть, второй по важности в эволюционном кондудите вопрос – является ли закономерностью эволюции появление именно **человека**? Если первый вопрос является сугубо мировоззренческим (есть ли Бог, или оно всё «само»), и ответ на него у любого эволюциониста будет совершенно определенный, то постановка второго уже интригует. Впрочем, еще не начав читать книгу уважаемого Л. Вишняцкого, ответ на второй вопрос можно попробовать предсказать – главное, что эволюция, это факт, а уж «человеком» мог стать «кто угодно».

Хотя эволюционисты своих карт никогда не прячут. Погадать мы все-таки не успеем, так как автор в том же, первом абзаце, сразу выкладывает все свои финальные выводы, хотя и несколько витиевато, с оглядками и оговорками:

«...антропогенез, будучи, с одной стороны, вполне закономерным и даже предсказуемым эпизодом в развитии органической материи, эпизодом, предопределенным ее базовыми свойствами и самими условиями земного существования, явился в то же время, как это ни парадоксально, результатом целого ряда совпадений, следствием далеко не обязательного и даже маловероятного пересечения в одном месте и в одно время независимых или очень мало зависимых друг от друга природных процессов».

То есть, как мы и предполагали – эволюция есть неоспоримый факт, а человек в нужное время оказался в нужном месте, хотя и сам не понял, как ему это удалось.

В первой главе «Возможные версии происхождения человека. Почему все же обезьяна?» Л. Вишняцкий сетует:

«...попытки «облагородить» наше общее генеалогическое древо, вычеркнуть из него столь многим неугодных предков не прекращались никогда».

Из этой фразы мы впервые понимаем, что держим в руках книгу не какого-нибудь человека с расплывчатыми убеждениями, а именно человека, имеющего четкую философскую (а, может быть даже – как знать - и жизненную!) позицию. Опустим эмоциональные наезды на «вычеркивателей», к числу коих я имено честь причислять и свою скромную персону. Но фразеологический оборот, подразумевающий наше родство с обезьянами безусловным фактом и не оставляющий «вычеркивателям» никаких надежд на другое происхождение, надо сказать, немного обескураживает. Хотя и не нарушает общей авторской последовательности.

«В наши дни вопрос: «Вы действительно верите, что человек произошел от обезьяны?» - можно услышать очень часто, причем не только где-нибудь в глубинке или, скажем, на заседании философско-религиозного кружка, но и в стенах института археологии. Задают его обычно с искренним удивлением, а нередко и с иронией в адрес собеседника. Поэтому я считаю нужным сразу же объяснить с читателем на сей счет и признаться в приверженности к «обезьяней» теории, которая, на мой взгляд, является единственно правдоподобной».

Можно было бы возразить автору, что он немного, так сказать, преувеличивает свое «одинокство» в среде обезьянофобов. Можно было самому, как завзятому «обезьянофобу», задать автору тот же вопрос: «Вы действительно верите, что человек произошел от обезьяны?». Ведь пока никаких объективных доказательств этому

родству нет. Но «обезьянолюб» Л. Вишняцкий по крайней мере честен, он все-таки оговаривается, что это его личная точка зрения, приверженность идее, которая ему нравится. Примем такую позицию автора как данность и будем ему по мере надобности «перечить» и «закидывать шапками» аргументов (шутка).

«Вообще все когда-либо предлагавшиеся объяснения того, как на Земле появились люди, могут быть сведены к трем основным вариантам:

1. Люди - порождение высших, сверхъестественных сил (творение).
2. Люди прибыли на Землю с других планет, из иных миров (пришествие).
3. Люди - результат естественного развития земной природы (эволюция).

Строго говоря, ни одна из перечисленных возможностей не может быть опровергнута с абсолютной убедительностью, так, чтобы у ее сторонников не осталось никаких спасительных логических лазеек».

И опять волна «расслабляющего волю доверия» к автору накатывает на меня – признание принципиальной непровержимости каждой из трех возможных теорий происхождения, согласно классической научной методологии, говорит о том, что все они **не могут быть отнесены к научным**. Спасибо хоть за это Л. Вишняцкому, ибо если «модель», подразумевающая творение путем Разумного дизайна (первые две версии) по определению не может претендовать на сугубую научность, то за «научность» теории эволюции (пункт третий) любому ее адепту обычно пристало биться до последней капли крови, умирать, но не сдаваться, требуя признать, что теория эволюции «наука» или «доказанный научный факт».

Но «доверие к автору» сразу едва не оборачивается «потерей бдительности», потому что на фоне такой эволюционной капитуляции легко можно проскочить через следующее утверждение:

«Однако, если для первых двух версий - творения и пришествия (они могут и сочетаться между собой) - нет «железных» доказательств не только contra, но и pro, то в последнем случае дело обстоит иначе. Здесь мы имеем вполне зримые и осязаемые следы того процесса, который, как предполагается, привел к появлению человека, то есть следы эволюции».

Стоп, стоп, уважаемый автор. Отбросим пришельцев, нам они здесь неинтересны, поговорим о Творении. Насчет железных доказательств *contra* согласен (не по рангу адепта, а по критерию Поппера), их быть не может, так же как и атеизм, например, не может быть «научным», ибо отсутствие или наличие Бога наукой принципиально недоказуемо. Но что значит – для доказательства Разумного Творения нет «железных» доказательств *pro*? Па-а-звольте, уважаемый! А классические положения юриспруденции, согласно которым все свидетельства библейских и новозаветных авторов, а также античных историков и Отцов Церкви могут считаться таким юридически безупречным доказательством? Принцип презумпции, будучи примененным к этим свидетельствам, делает эти доказательства «железными» потому, что никто еще – ни один юрист, ни один библеист, ни один археолог или биолог – не смогли (и никогда не смогут) доказать обратного. Ни одна из «наук» эти свидетельства не только не опровергла, но из года в год прослеживается неуклонная тенденция именно на **научное** подтверждение свидетельств Библии и Отцов (например, от гипотезы вечной вселенной – к гипотезе «из ничего»; от идеи эволюционно «размазанного» человечества – к «митохондриальной Еве», единой прародительнице или ограниченного круга прародительниц; от идеи «бутылочного горлышка» 200 000-летней давности – к «горлышку» 6000-летнему и т. д. Я подчеркиваю специаль-

С этим *ОН 62* произошла почти та же история, что в свое время и с иудей-целакантом – хабилис, которому партийно-эволюционное руководство доверило такое важное задание; хабилис, которому была оказана такая высокая честь и на которого была возложена такая почетная миссия - связать узами родства австралопитека и человека - не справился, мерзавец, с порученной работой на своем участке! Этот недостойный член коллектива уже во всех музеях и учебниках выглядел (а в наших и сейчас выглядит!) как настоящая переходная форма – с человеческим телом и гордой осанкой, хотя еще с обезьяньей головой – так вот, этот хабилис, стоило его чуть-чуть припугнуть, оказался... Язык не поворачивается произнести... Хомо хабилис оказался обыкновенной обезьяноподобной скотиной, ростом 1 м, совершенно с обезьяньим телом и руками ниже колен, что говорило вовсе не о его любви к культуре и произведениям прикладного инструментального искусства, а именно к физкультуре, то есть к тупому прыганью с ветки на ветку.

...Обидно, понимаешь. До того, чтоб превратиться в совершенно развитого, абсолютно человеческого, владеющего огнем и орудиями эректуса, оставалось всего 100-200 тыс. лет, и хабилису – хоть лопни - надо было уже выглядеть гораздо человечнее. Ведь превращение за 100 тыс. лет такой маленькой вертлявой обезьяны *ОН 62* в розового здоровяка и умницу хомо эректуса *WT-15000* – абсурд, не правда ли?

Сегодня на западе эту неловкость с *ОН 62* хоть как-то пытаются замаять - враньем ли, мытьем, катаньем (см. рисунки). Наши же, российские эволюционисты эту проблему решили крайне легко – они ее просто не заметили. Посмотрите в учебниках и музеях, много ли изменилось – вся эволюционная иконография осталась неприкосновенной.

Однако, саму проблему мнимого родства хабилиса с человеком это не решило.

Слева: Спасительная идея последнего времени - рисовать хабилиса так, чтоб никто ничего не понял. Вроде бы обезьяна, а вроде даже и на Пушкина немного похож. И выражение лица - то ли тупое, то ли задумчивое. И инструмент - то ли сам изготовил, то ли после сапиенса подобрал и не может понять, что это... Господа! Рисуйте гоминидов расплывчатей - и у вас всё получится! Справа: В реальности хабилис выглядел примерно так.

© 2002 Archaeologyinfo.com

ским хабилисом. Не забыть бы к этому, что в корзине хабилисов лежат и кости анатомически современного человека (ER 1481 и ER 1472) возрастом около 2 млн. лет по эволюционной шкале.

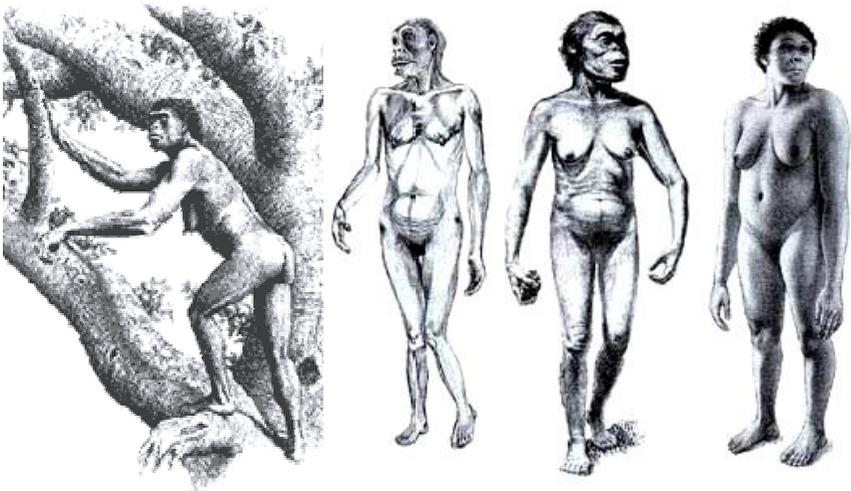

Рисунок слева: Хомо хабилис как будто с отвращением позирует нам верхом на дереве - а что делать, ведь надо как-то совместить почти человеческий облик с древесным образом жизни! Рисунок справа: Романтический хомо хабилис, погруженный в мечты о том, как он скоро станет «настоящим человеком». В центре: хомо хабилис в представлении японского художника. Что, кстати, сразу чувствуется. Бравый вид, самурайская уверенность, японская внешность. А говорят, что хабилисы были африканцами... Крайний справа хомо хабилис: «Это ничего, что у меня руки почти до земли, зато я нежная и человечная»... Удивительный пример того, как здравый смысл задвигается эволюционистами на задворки. В то же время где еще увидишь такую диковину - на обезьяний скелет надели человеческие формы, да еще женские... Так сказать, не сдадим нашего хабилиса обезьянам, эволюционисты своих на войне не бросают. Можно себе представить такую девушку прыгающей с ветки на ветку... В русском языке всё это называется словом «подлог».
© 2000 National Geographic Society, art by: M. Anton, P. Sloan, K. Sano, J. Daugherty

Вообще, по большому счету, никакой загадки тут нет - таксон хабилис создавался как проект (в нынешней бизнес-терминологии) под определенную задачу - заполнить дыру меж обезьяной и человеком, начать изготавливать первые инструменты и т. д. Чем кончилось «очеловечивание» хабилисов, известно. Настоящий гром грянул, когда Тим Уайт с Д. Джохансоном в 1987 году нашли в Олдувае относительно «полный» скелет хабилиса, известный как *OH 62*.

но для «скептиков» - я говорю именно о тенденции научного подтверждения свидетельств Библии и правоты свидетелей, но не научного подтверждения Творения, будьте внимательны, господа скептики!).

«Но и это еще не всё». Если подойти непредвзято, не с позиций эволюционизма и веры в него, а с позиций здравого смысла и объективного сравнения, то **о правоте «модели» Творения расскажут тысячи других «железных» доказательств на Земле – из области геологии, антропологии и археологии.** Одним словом, не совсем правда Ваша, уважаемый автор, вполне «железные» доказательства *pro* Творения в наличии имеются. Есть свидетельства и свидетели.

Но вернемся к продолжению фразы – о том, что в отношении третьего пункта, эволюции, «железные» доказательства «за», в отличие от креационных, имеются как «зримые и осязаемые следы». Зримые-то они зримые, но только вот в пользу эволюции свидетельствуют не «железно», а по признанию самого же автора – **«как предполагается»!**

М-м-да... Что-то ржавчины в таком эволюционном железе оказывается многовато... Я не придираюсь к словам, но, кажется, только сторонник теории эволюции умеет выразиться подобным образом – у нас есть железные доказательства в виде следов, которые предположительно привели к чему-то...

Понятно, что по поводу «зримости и осязаемости» следов как таковых никто не спорит. И зримы они, и осязаемы. Да вот только **существенную роль в деле играет не сам «след» и даже не тот или иной «факт», а исключительно их трактовка, интерпретация.** С точки зрения той же юриспруденции эволюционисты должны быть отстранены от трактовки того или иного найденного артефакта или захоронения как лица «заинтересованные», предвзятые. Но когда бы было так! На деле же всё происходит с точностью до наоборот – если найденный «след» не вписывается в эволюцию (например, *KNM-ER*ы 1481 и 1472, скелет Река, плечевые кости из Канапои и др.), то их просто «задвигают» по одному из трех пунктов – ошибка датирования, переотложение из верхних молодых пластов, шутка археологов. О таких неудобных «свидетельствах» ни одно «научное издание» больше не издаст ни звука, а обращение бульварной прессы к запретному сенсационному плоду доделает за эволюционистов их нелегкую работу – упоминание любого из таких «следов» в научных кругах станет признаком плохого тона.

Факт без интерпретации - нонсенс. Найденный археологами скелет ископаемой обезьяны сам по себе ничего из себя не представляет, но будучи «приложен» к эволюционной шкале, он в трактовке заинтересованных или даже просто верящих в эволюцию людей обязательно окажется предшественником человека; антропологи «реконструируют» и подарят ему прямохождение; найденные в ста метрах орудия труда и остатки кострищ человека археологи припишут исключительно этому существу, а сам он, размножившись до неприличия после смерти, займет место в музеях, учебниках и академических трактатах.

Парадокс заключается в том, что все эти «зримые и осязаемые» следы, «как предполагается», приведшие к появлению человека, - все эти несчастные следы, попав в руки другой «заинтересованной стороны», креационистов – могут быть абсолютно с той же долей вероятности (если не сказать: с гораздо большей) истолкованы как неоспоримые доказательства Сотворения, малого возраста Земли и всепланетного Потопа.

Однако, что конкретно имеет в виду Л. Вишняцкий под выражением «имеем вполне зримые и осязаемые следы»? Я, признаться, все же втайне ожидал услышать что-нибудь новенькое – ведь эволюционная «наука» не стоит на месте... Однако, увы...

«Во-первых, это очевидная биологическая близость людей к прочим обитателям планеты, свидетельствующая, что человек - органичная часть живой природы...».

Увы мне, увы... Почему-то ни одному эволюционисту не придет в голову утверждать, что очевидная конструктивная близость самоката, четырехколесной телеги и «мерседеса» является железным доказательством их эволюционного родства – мол, самокат в результате поломок и «прихватывания» по дороге «полезного» мусора сам собою превратился в телегу, а телега, колеся по городам и весям, сама собою перестроилась в «мерседес». Однако, когда дело касается конструктивной, морфологической и генетической (структурно-информационной) близости «людей к прочим обитателям планеты», то это отчего-то свидетельствует не о Едином Конструкторе и его едином замысле со всеми вытекающими отсюда похожестями и оптимальностями решения, а именно о том, «что человек - органичная часть живой природы», то есть один из продуктов случайных эволюционных процессов.

Кстати, о птичках, то есть о живой природе. Если быть семантически въедливым, то импотентный эвфемизм «живая природа» есть ничто иное, как обычная для эволюционистов попытка (часто даже произвольная) заменить Разумного Инженера на что-нибудь этакое суррогатное. «Живое», насколько мне известно, происходит только от живого, дизайн от Дизайнера, а информация от Кодировщика этой информации. Я лишь хочу сказать, что у любого «железного» факта и «осязаемого следа» - от найденных черепов до биомолекулярного сходства - может быть двойное толкование – всё зависит от того, кто толкует и «кому это выгодно». Подчеркиваю, что, по моему мнению, попытки эволюционистов интерпретировать известные факты в большинстве случаев выглядят гораздо более неловкими и притянутыми за уши, чем у креационистов. И причина тому одна. Креационисты не скрывают, что все их модели построены в первую очередь на доверии к Библии. Эволюционисты же, как упрямые школьники, и слышать ничего не хотят о своем «доверии к эволюции», продолжая твердить о «чистой» науке и «непредвзятом подходе» к объяснению фактов. Знаем мы эти непредвзятые подходы... Вот они, извините, перед глазами:

«...а во-вторых, многочисленные ископаемые остатки существ, занимающих в анатомическом отношении промежуточное положение между современными людьми и их животными предками. ... Многочисленные палеонтологические находки, позволяющие проследить основные вехи эволюции от обезьяны к человеку, делают понятной причину этого сходства».

То есть, смотрите и слушайте – проблема не в том, была эволюция или нет, а в том, как бы нам получше проследить ее основные вехи. Я рад, что кому-то причина сходства человека и животных стала понятной. Мне, например, она тоже понятна, но отчего-то на 180° развернута относительно причины, понятной уважаемому Л. Вишняцкому. Биохимик Константин Виолован, помнится, однажды воскликнул в дебатах с атеистами примерно следующее - если уж эволюционисты не стесняются даже такой свой «фейсом об тейбл» как ископаемые окаменелости, вставить в свою иконографию и превратить в своё «достоинство», то теория эволюции точно непотопляема!

То же относится и к утверждению: «...качественная разница между животными и людьми состоит в том, что первыми рождаются, а вторыми становятся, становятся лишь определенное время спустя после рождения». Это опять же верно для нас, но неверно для хабилисов. Обезьянами они родились, обезьянами и умерли (шимпанзе дрессируются, но опыт, полученный от человека, не накапливают, не анализируют и не передают детям). Человек же не становится человеком «время спустя после рождения», а уже рождается им – с уже закодированными в геноме способностями к речи, абстрактному мышлению, художественной образности, математическому анализу, с «врожденной грамотностью», в конце концов.

Однако отсутствие фактов надо как-то компенсировать. Самое милое дело – фантазии в русле эволюционной догмы (хотя, нужно отметить еще раз, что у Л. Вишняцкого большинство «научных предположений» идет все-таки через вероятностные оговорки и сомнения, неведомые 99% «эволюционных» антропологов:

«Не исключено, что такого рода инкультурация имела какое-то значение уже для хабилисов: отмечаемый на этой стадии эволюции резкий рост мозга может косвенным образом указывать на увеличение периода, в течение которого детеныши зависели от матерей (или обоих родителей?), а если это так, то, значит, они получали более основательное воспитание, чем, скажем, потомство австралопитеков».

«Отмечаемый на этой стадии эволюции резкий рост мозга» – это бухгалтерская приписка в отчетности. У антропологов есть несколько черепов, условно называемых «хабилисами». Вычисленный объем их мозга выше, чем вычисленный объем мозга австралопитеков. Но не более того. Резкий рост мозга – это некоторое лукавство. Сказано о статичных признаках так, как будто они имеют динамику. Можно сказать, что у щуки отмечен резкий рост мозга по сравнению с карасем – научная ценность этого наблюдения будет такая же.

«Костные останки Homo habilis были впервые обнаружены в Олдувайском ущелье в 1959 г., а статья, где обосновывалось выделение и предлагалось название этого таксона, вышла пять лет спустя (Leakey et al., 1964). Тем не менее, широкое признание новая группа получила лишь в конце 70-х – начале 80-х годов, после открытия на восточном берегу озера Рудольф (Туркана) в Кении двух хорошо сохранившихся черепов, по своему строению занимающих явно промежуточное положение между австралопитеками и Homo erectus».

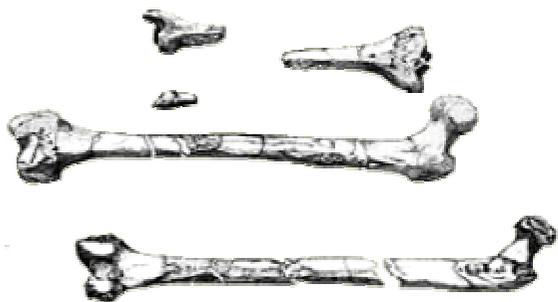
Таксон хомо хабилис иногда называют «мусорной корзиной таксономии». Беда, беда с этим хабилисом. Антрополог Т. Д. Робинсон уверен, что хабилис – это вообще ошибка, таксон-фантом, результат смешения в одну кучу костей австралопитеков африканусов и костей *Homo erectus*. Одна история с черепом *ER 1470* чего стоит... Некоторые считают, что весь таксон собран исключительно из плохо поддающихся идентификации костей австралопитеков, зачисляя в австралопитеки и *ER 1470*.

Судя по всему, таксон, претендующий быть первым *Homo*, действительно, в той или иной степени оправдывает название «мусорной корзины». Один из черепов, составляющих по сути его основание, фундамент, *ER 1470*, продолжает вызывать споры - сначала его объявляют 220-млн. летним хомо сапиенсом, потом 2,9-млн.-летним «хомо вообще», потом 1,9-млн.-летним хомо рудольфским, братом хабилиса, кто-то австралопитеком, кто-то эректусом, а сегодня вообще требуют усилить им хлипкий хабилисный таксон и назначить «чистым», окончательным, истинно арий-

«Ното в переводе с латыни означает «человек», но из этого широкоизвестного факта не следует делать вывод, что человек и Ното – одно и то же. «Человек», «люди» – это термины совсем другого ряда, нежели «гоминиды»; это понятия, подразумевающие совершенно разные классификации живых существ, и они, как давно и справедливо замечено, не должны восприниматься как синонимы (напр.: Урысон 1976: 21). В первом случае мы имеем дело с философской классификацией, во втором – с биологической. Люди, человек – это существа, специализированные к культуре (об этом речь еще пойдет ниже), существа, для которых культура является и программой поведения, и средством адаптации, и средой («встроенной») обитания. Культура – это то, что делает Ното, потенциальных людей, людьми действительными. Для того, чтобы быть Ното *sapiens*, или *Ran paniscus*, или *Canis lupus* достаточно просто родиться, для того, чтобы быть человеком, надо им стать, то есть подвергнуться воздействию искусственной среды, культуры. В этом смысле можно сказать, что качественная разница между животными и людьми состоит в том, что первыми рождаются, а вторыми становятся, становятся лишь определенное время спустя после рождения и лишь при наличии определенных условий (культурной среды)».

Понятно, что все это говорится «не для нас», а для «хомо» хабилиса, который – можно с уверенностью предположить – вот уже прямо сейчас, на страницах книги, начнет стремительно эволюционировать, так как попал (или сам создал?) в культурную среду. Из вышесказанного хочу обратить внимание лишь на пару-тройку моментов. Светлая идея о том, что понятие «человек» имеет два разных аспекта, биологический и философский – с точки зрения адепта Творения похожа на арифметическую задачу, где к двум мальчикам прибавили два ящика апельсинов.

Другое утверждение, что культура может являться программой поведения, верно для нас, но в случае с хабилисом похоже на загадку – «что появилось раньше, курица или яйцо?». Информатика говорит нам по этому поводу абсолютно то же, что и биология. Живое – от живого, программа – от программиста. Хабилис в культурной среде, это *circulus in demonstrando*, порочный круг, бесконечное хождение по цирковому манежу – хабилис создал культурную среду, или она его сделала «хабилисом»?

Бедренные кости двух *Homo sapiens* ER 1481 и ER 1472 (Кения) возрастом около 2 млн. лет по официальной шкале, на основании чего они были приписаны хабилисам. И уже опираясь на это, эволюционисты утверждали, что хабилис имел почти человеческую анатомию ноги.

Чтобы читатели, не очень хорошо знакомые с упомянутой проблемой, не вводились подобными победными реляциями в заблуждение, спешу сообщить им, а заодно разочаровать Л. Вишняцкого – никаких ископаемых существ, занимающих промежуточное положение между современными людьми и их животными предками, **не существует**. Ни в «живой природе», ни в мертвой. Уважаемого Леонида Вишняцкого, видимо, просто неправильно информировали – если бы такие бесспорные формы существовали, все об этом уже знали бы и любые дебаты по поводу «факта» эволюции были бы просто излишни.

«Сейчас, можно сказать, уже не существует некогда столь волновавшей эволюционистов и их оппонентов проблемы «недостающего звена» между обезьяной и человеком, ибо «палеонтологическая летопись» слишком красноречива. Конечно, это не означает, что в ней вообще не осталось пробелов – пробелы есть, и они многочисленны, – но масштаб их таков, что может породить разногласия и споры только при обсуждении сравнительно узких, сугубо специальных вопросов, и недостаточен, чтобы вызвать сколько-нибудь серьезные сомнения в прямой причастности обезьян к нашей генеалогии».

Хорошо-то как... «Масштаб их таков, что может породить разногласия и споры только при обсуждении сравнительно узких, сугубо специальных вопросов». Например, куда это запропастились у эволюционного древа все его корни, ствол, сочленения главных ветвей, многочисленные ветки, и как связаны между собой имеющиеся у нас отдельные листья – при том, что один лист осиновый, другой дубовый, а третий березовый. «С дуба падают листья ясеня... Ничего себе! Ничего себе!». Цитата стоит того, чтобы ее перечитать еще раз. Запомним эти слова. Автор сказал их, полностью отвечая за сказанное, не в полемическом запале, а находясь в здравом уме и твердой памяти. Ибо чуть ниже мы еще не раз услышим нечто прямо противоположное. Назовем эту цитату условно Перлом № 1 и поспешим продолжить наше увлекательное чтение.

... Потому что мы не успеваем дочитать до конца страницу, как обнаруживаем уже первые тревожные симптомы:

«Начальные стадии эволюции приматов плохо изучены, и проблема происхождения отряда все еще далека от разрешения. Ни его филетические корни, ни место появления пока не ясны».

А так, как любое знание, это есть знание начал и причин, то сразу же, на одном дыхании, у автора, как и у любого эволюциониста на его бы месте, начинаются спасительные фантазии:

«Среди ископаемых находок нет таких, которые с полной уверенностью могли бы рассматриваться в качестве звена, связующего приматов с их предками – насекомоядными (*Insectivora*)».

В «настоящих», точных науках отсутствие доказательств гипотезы автоматически становится причиной ее непризнания и изъятия из рассмотрения, но только не в «науках», базирующихся на неподтвержденной гипотезе эволюции (биологии, истории, геологии и астрономии). Замечу, что сегодня гипотеза эволюции требует родства обезьяны с муравьем, но никаких достоверных доказательств этой вольной импровизации нет. Ни научных, ни лженаучных, ни даже от бабки Дарьи с заговором на поиск переходных форм. Так что, объявить эту связь недоказанной и потому недействительной? Да уж нет. Будет вам, судари мои, болтать об объективности исследований и чистой науке. Отечество, то есть, теория эволюции в опасности! Надо спасать «эволюцию», срочно придумывать, почему нет связующего звена:

«Это неудивительно, поскольку, как давно уже замечено палеонтологами, отсутствие переходных форм между группами высокого таксономического ранга представляет собой почти всеобщее явление. «Оно характерно почти для всех отрядов всех классов, как позвоночных, так и беспозвоночных» (Симпсон, 1948 [1944]: 168)».

Не знаю, как кому, но мне очень понравилось такое объяснение. Очень мило – проблема есть, но мы о ней и без вас знаем, у нас всё под контролем, так сказать, держим руку на пульсе. Но «всего милее» приведенная цитата Симпсона, аж от 1948 года. Если кто еще не догадался, почему от 1948, а не 2003-го, так я подскажу – потому что а). с тех пор всё равно ничего в палеонтологии принципиально не изменилось, только еще более запуталось; б). чисто психологически о «неприятных» вещах лучше всего говорить в категориях прошлого... Можно было о том же самым взять целую кучу свежих сегодняшних цитат, но так будет для эволюции больнее...

Отец-основатель Дарвин когда-то выставил два четких критерия, без которых его теория не может считаться истинной – обязательное нахождение переходных форм между видами и объяснение с помощью ТЭ «трудного» факта появления альтруизма. Сто лет минуло с тех пор, потом еще сорок, а там уже и двести не за горами...

«Появление приматов на эволюционной арене приходится на рубеж мезозойской и кайнозойской эр. Оно совпадает со временем широкой адаптивной радиации плацентарных млекопитающих, имевшей место в конце мелового периода и самом начале палеогена. Согласно некоторым расчетам, основанным на количестве известных видов приматов (современных и ископаемых) и средней продолжительности «жизни» вида (1 миллион лет), первые их представители должны были существовать уже 80 млн. лет назад (Martin, 1993), но большинству специалистов такая древность кажется маловероятной, поскольку значительно превышает возраст всех имеющихся ископаемых находок».

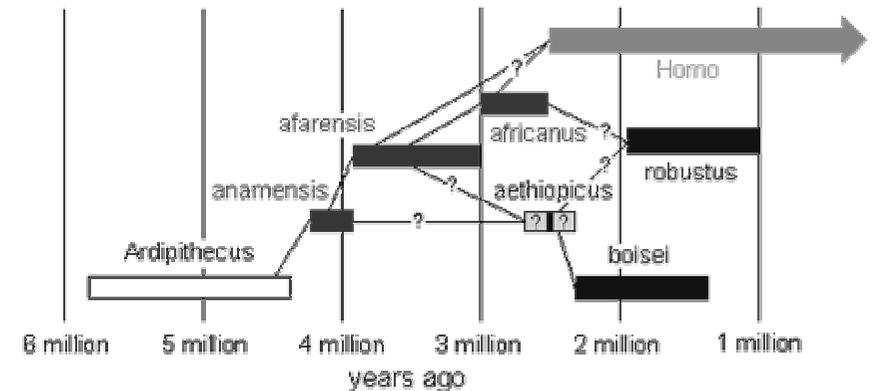

Отчего же такая нерешительность? Ископаемая рыба целакант, современница динозавров, как считалось, вымершая еще 70 миллионов лет назад, была в наши дни неожиданно обнаружена не только в полном здравии, но и ни на йоту не изменившейся за все гипотетические 70 млн. лет. Рыба, которой эволюционисты за ее ластообразную форму плавников доверили почетную обязанность быть переходной формой к амфибиям и уже начинать первые попытки выхода на сушу, оказалась идеологически незрелой – более того, вражеской, креационной рыбой, нанесшей предательский удар в спину своим «людям из центра». Конфуз с целакантом знаком многим. Все предполагаемые 70 млн. эволюционных лет иуда целакант не то что не пытался выходить на сушу, а даже не поднимался со дна до глубины менее 200 метров, так как оказался рыбой вольной, глубоководной, и не пошел бы на сушу «ни за какие баксы», даже по приговору суда.

«Первым представителем этой новой формы, или промежуточным звеном между ней и австралопитеками, считается, с рядом оговорок, вид *Homo habilis*, обособившийся около 2,4 млн. лет назад. Интересно, что примерно к этому же времени относятся и древнейшие из известных сейчас каменных орудий со следами намеренного изготовления».

Л. Вишняцкий, по-видимому, весьма тактичный человек, так как, в отличие от других эволюционистов, не говорит о прямой принадлежности найденных инструментов хабилису. Хотя, если вспомнить, хабилис-то и хабилисом («умелым») стал из-за этих возложенных на его хрупкие плечи обязанностей – быть первым инструментальщиком. Это действительно интересно. Потому что «настоящие» человеческие останки авторов этих орудий, найденные в тех же горизонтах Олдувая, эволюционистам нужно как-нибудь объяснить, ибо они, эти сапиенсы-поганцы, портят всю картину, во-первых, ломая напрочь эволюционную хронологию (люди современного вида – 2,5 млн. лет назад?), а, во-вторых, не давая бедным обезьянам хабилисам даже подержать в руках человеческие каменные инструменты.

Видимо, все же испытывая некий дискомфорт от того, что хабилису приписывается роль родоначальника *Homo* (ну какой он, между нами, *Homo*?), Л. Вишняцкий некоторую часть книги посвящает «разруливанию» этой семантической неловкости.

Так сегодня обстоят дела с филогенетическим родством гоминид. Если мы посмотрим на схему, то увидим, что только три разновидности австралопитеков связаны «как бы несомненным» родством плюс ардипитек, о котором практически ничего не известно и который «всё стерпит». Линия *Homo*, показанная зеленым цветом, отчего-то безымянна. Кто этот *Homo*? Хабилис? Главное, прорваться к зеленой стрелке, а уж направление она показывает верное - вперед! Сравните также ситуацию на этой схеме с Перлом № 1, где говорится о том, что масштаб пробелов так мал, что уже не может породить сомнений в нашем родстве с обезьянами...

© 2003 Behavioral Sciences Department, Palomar College, USA

тически должны быть одним видом, плавно изменяющимся с течением времени морфологически и генетически. То есть, живут тут и там в Африке отдельные группы примитивных южных обезьян, которые в ответ на изменяющиеся условия среды или иные факторы - выживают, скрещиваются, приобретают всё более сложные морфологические признаки и в историческом периоде одна из «обособившихся» групп «перетекает» в человека, ну, скажем, в Турканского эректуса. Если я эволюционист и разделяю такой сюжет, то все найденные мной черепа - от южных обезьян до человека - я классифицирую в соответствии со своими взглядами (пусть эти найденные черепа и не желают никак упорядочиваться в стройную картину). Таким образом, моими действиями будет управлять некое мое доктринальное ожидание. Мы сегодня не удивляемся, когда слышим периодические эво-заявления, что «усилия ученых по поиску переходной формы наконец-то увенчались успехом». Это означает, что поиск был действительно целенаправленным и упорным. Другое дело, что такой упорный поиск не имеет отношения к беспристрастности исследования, но есть нечто иное, как антинаучное, сугубо эмоциональное действие, ибо ожидание и поиск доказательств в пользу определенного результата (уж не говоря о замалчивании результатов неподходящих) в плане «научности» ничем не лучше каких-нибудь фрейдизма, марксизма или астрологии.

Сказанное мной, разумеется, в этом контексте относится и к хомо хабилису, и означает, что если между черепом ископаемой южной обезьяны и черепом древнего человека зияет страшная для эволюционизма дыра, то свято место **пустым не будет**.

Теоретически нет ничего невероятного в кровном родстве австралопитеков и хабилисов, кроме ощущения какой-то нелепости всей существующей схемы, изъяна в здравом смысле – пусть даже австралопитеки разделились на две ветви, одна из которых стала хабилисами. Подчеркиваю, теоретически. Но почему одна из ветвей осталась абсолютно неизменной? И почему эти две ветви, предки *australopithecus*'ы и их эволюционные потомки хабилисы, еще добрых полтора миллиона лет жили вместе, опять намертво «законсервировавшись»? 1 млн. 500 тысяч лет... Вспомните, что от первых цивилизаций и египетских пирамид нас отделяют жалкие 5 тысяч. Где теперь эти древние цивилизации, империи, народы? А тут 1 млн. 500 000, при том, что хабилис якобы успел стать настоящим Турканским человеком всего за 100 тыс. лет. Да что там Турканским, если сами люди-эректусы, согласно эволюционной схеме, как минимум 800 тыс. лет успели пожить под одним небом даже с австралопитеками, то есть предковой эволюционной формой своей предковой эволюционной формы - хомо хабилисов! Хм-м... Голова идет кругом... Можно, конечно (опять же, чисто теоретически) допустить одновременное сосуществование эво-предка и возникшей от него новой формы, но такие вещи, на мой взгляд, сводят практически к нулю всю достоверность подобного родства. В какие горнила и средовые катастрофы должна быть брошена группа животных, чтобы так радикально - от обезьян до настоящих людей - «разойтись», оставаясь в едином пространстве и времени - при том, что другие виды, проходя через планетарные изменения климата и глобальные катастрофы, за сотни миллионов лет не изменились ни на крупницу? Отчего же именно обезьянам - «зеленый свет»? Может быть, у них в эволюционном штабе - «свои люди»?

Я уж скромно молчу и не спрашиваю, где следы представителей нашей «главной» второй ветки, с которыми мы в виде непонятно кого якобы разошлись еще раньше, 7 млн. лет назад, а именно - где все ископаемые предки шимпанзе?

Но вот чем мне нравится гипотеза эволюции, так это своей самодостаточностью и автономностью. Нет никаких фактов, но можно сделать «расчеты» о «как бы времени появления приматов», и о средней продолжительности «жизни» вида в 1 миллион лет (а многие виды и за предполагаемые сотни миллионов лет не изменились ни на волосок), и о возрасте «всех имеющихся ископаемых находок» приматов (и возраст этот – предполагаемый, назначаемый «решением сверху» лишь из эволюционных допущений, и «ископаемые находки» - в подавляющем большинстве лишь отдельные окаменевшие зубы и костные обломки, не более...).

«Обычно в качестве исходной, анцестральной группы, промежуточной между собственно приматами и насекомоядными, рассматривают род Purgatorius, известный по немногочисленным находкам из позднемиоценовых отложений Северной Америки (Решетов 1986: 5-14; Klein 1989: 56)».

Лишь зубы, лежащие в хронологическом диапазоне в миллионы лет... жуть, картина сюрреалиста. Креационистам-то хорошо, они точно знают, что этот представитель рода *Purgatorius*, от которого осталась лишь пара зубов, окончил свои дни в геологически короткий период потепления - после планетного Потопа, но еще до оледенения. Но что делать бедным эволюционистам, если для них поздний мел, это 70-80 млн. лет по шкале назад; что им делать, если за нашим общим первопредком, стиснув зубы от боли за родину эволюции Африку, приходится ехать почему-то аж в Северную Америку; и что делать, если из палеодоказательств ничего, кроме зубов, нет?

Выход только один – фантазировать. Конечно, можно понять проблемы эволюционистов, на все замечания об отсутствии связующих звеньев в древних стратах обычно делающих круглые глаза – мол, откуда же мы вам возьмем такие старые формы, они просто не сохранились. Но, тем не менее, в таком подходе в очередной раз проявляется их «двойная бухгалтерия» - реконструкции и модельные расчеты креационистов они на дух не переносят из-за их «ненаучности», а фантазии о миллионах лет и мнимых родственниках на основании в лучшем случае одного единственного зуба считают последним словом науки. Прав был Сергей Головин, когда говорил про эволюционистов, что они по одному зубу могут определить походку ископаемого существа.

«...Согласно существующим реконструкциям, первые приматы были мелкими (от приблизительно 100 г до нескольких килограммов весом) насекомоядными и частично, по-видимому, растительноядными зверьками, ведшими преимущественно древесный образ жизни. Внешне они, возможно, больше всего походили на современных тропических белок, и лишь благодаря специфическому строению зубов опознаются сейчас как приматы (Klein 1989: 61-62)».

Нет, Головин, как видно, учел не всё. Со времени написания его книги о том, как люди своими руками изготавливали своих же собственных предков, наука ушла далеко вперед. Итак, по зубам мы теперь умеем определять не только походку, но и вес, рацион питания, образ жизни, внешний вид и, разумеется, кровное родство с нами! Наука, однако, ничего не попишешь!

Все мы - и вы, читатель, и я, и автор книги Л. Вишняцкий, и даже депутаты Госдумы - все мы произошли от маленького зверька, похожего то ли на белку, то ли на крысу, жившего в позднем мелу и питавшегося муравьями, тараканами и сверчками. Почему этот зверек был похож на белку-крысу? Так, чисто интуитивное ощущение, ведь он должен был внешне смахивать на муравьеда. Почему на муравьеда? Да по

общему ассоциативному ряду - белка, крыса, муравьед, обезьяна. Каждый чем-то едва уловимо похож на соседа... Я же говорю, наука. Как и в любой эво-«реконструкции», в этой истории есть особо трогательная деталь. Можно себе представить, как эту бедную крысу несправедливо ломало, выворачивало и «колбасило» во всяческих передрыгах, если в итоге она смогла превратиться в человека, ходящего по Луне, а муравьи, тараканы и сверчки, которыми эта зверушка-прародительница питалась 80 млн. лет назад, хотя бы для приличия, поганцы, изменились хоть на миллиметр...

«...Не позднее 40 млн. лет назад, то есть, скорее всего, в середине или даже начале эоцена, происходит, судя по находкам в Восточной Азии и Северной Африке, обособление линии высших приматов – антропоидов, или, иначе говоря, собственно обезьян (Anthropoidea). Большинство палеонтологов выводят их из тарзиоформных приматов (Ross et al. 1998), меньшинство – из адапиоформных, а в последнее время все чаще стало высказываться предположение, что антропоиды могут представлять независимую ветвь, берущую начало непосредственно от общего для всех приматов исходного ствола (Rose 1994/1995: 170)».

Разумеется, что не от хорошей жизни все эти исходные стволы, ответвления и общие предки, о которых мы не имеем никакого понятия и на роль которых назначаем каждый новый найденный зуб, - не факт, что древний и совсем не факт, что антропоидный (об этом отдельный разговор). И зуб вроде подходящий, да вот незадача – найден не там, где хотелось бы. Как всё-таки объяснить, что у наших африканских предков оказались «не все дома»?

«...Предки широконосых (обезьян. – А.М.), бывшие, по-видимому, выходцами из Африки, могли случайно попасть в Южную Америку на естественных «плотах» из оказавшихся в воде растений. Аналогичный путь проделали, как считается, и некоторые африканские грызуны».

Но comments, опускаю руки. Когда «родина прикажет», для эволюции нет ничего невозможного. «Есть у эволюции начало, нет у эволюции конца!». Из Африки – в Южную Америку – на плотках! Разумеется, с запасом еды и питья. Семьями, с песнями, с шутками-прибаутками. А почему тогда такой путь из Азии в Австралию – чисто теоретически - не могли проделать ленивцы и кенгуру?

«Примерно на рубеже олигоцена и миоцена или чуть раньше происходит разделение дотопе единого ствола узконосых обезьян на две ветви: Cercorithicoidea (церкоритекоиды, т.е. собакоголовые) и Hominoidea (гоминоиды, т.е. человекообразные). Это разделение, по всей видимости, во многом было обусловлено тем, что часть узконосых (предки церкоритекоидов) перешла к питанию листьями, тогда как другая часть (предки гоминоидов) осталась фруктоядной. Различия в меню сказались, в частности, на строении зубов, что чрезвычайно важно для палеонтологической систематики, поскольку именно зубы составляют большую часть ископаемых находок».

Удивительно, что такие детали, как питание листьями или ширина носа, могут вообще обсуждаться при разговоре о сроках, отстоящих от наших дней на эволюционные десятки миллионов лет. Я с трудом могу себе представить «всей кожей» одну тысячу лет. Но меня едва не охватывает страх, когда я пытаюсь представить себе (даже модельно), что **могло быть** 25 миллионов лет назад. Можно ли проецировать наблюдаемое нами сегодняшнее положение с узконосыми и широконосыми обезьянами в глубь такой неохватной тьмы времён? Можно ли всерьез рассуждать, глядя

Казалось бы, куда уж хуже... Но сразу вслед за этим становится «еще хуже»:

«Еще недавно наиболее перспективным – хотя и не безупречным – кандидатом на эту роль считался A. africanus (напр.: Klein 1989: 162, 402; Skelton & McHenry 1992), живший 3-2,5 млн. лет назад и известный главным образом по находкам в Южной Африке (местонахождения Таунг, Штеркфонтейн, Макапансгат), но в последнее время его позиции сильно пошатнулись. В результате детального сопоставления многочисленных костей верхних и нижних конечностей африкануса, открытых в ходе продолжающихся работ в Штеркфонтейне, выяснилось, что по соотношению их размеров этот вид, в отличие от более ранних A. anamensis и A. afarensis, находится ближе к человекообразным обезьянам, чем к гоминидам, то есть, попросту говоря, руки у него были, вероятно, длиннее ног. Это неожиданное открытие окончательно запутывает и без того запутанную ситуацию, поскольку по строению зубов и черепа африканус, наоборот, намного ближе к Ното, чем A. afarensis, не говоря уже об A. anamensis. Остается предполагать, что либо A. africanus приобрел это сходство с поздними гоминидами параллельно, т.е. не будучи звеном филогенетической линии, ведущей к человеку (тогда на первый план в качестве возможного предка выдвигается A. afarensis), либо, наоборот, раннее приобретение A. afarensis человеческих пропорций конечностей совершилось независимо и не является признаком, указывающим на филогенетическую связь этой формы с Ното (McHenry & Berger 1998)».

Вот она, хваленая морфология... «Окончательно запутывает и без того запутанную ситуацию». Так сказать, какому морфологическому признаку после этого можно верить? Ну никак не желают эти проклятые австралопитеки вступаться в нашу родословную. Ты к нему со всем уважением, а он тебе демонстративно: «На, гляди, какой я тебе родственник? У меня, во, руки длиннее ног!». Или попросишь другого, с нормальными руками, быть родственником, а он тебе нагло: «Пропорции моих конечностей, дядя, не являются признаком, указывающим на нашу филогенетическую связь!». Скоты, одним словом, а не родственники.

Однако, как говорил Высоцкий, «но есть еще одно предположение...». А, может, мы, того... Этого... И правда не родственники? Бр-р-р! Ужас.

«Австралопитеки исчезли с лица земли только в плейстоцене, успев задолго до этого дать начало роду Ното и будучи, следовательно, свидетелями (а в какой-то степени, по-видимому, и жертвами) эволюционного триумфа новой формы гоминид».

Вышеприведенная фраза характеризует всех сторонников такой идеи как людей весьма храбрых и не боящихся ничего – ни штормов, ни врагов, ни насмешек прохожих на улицах. К сожалению, Л. Вишняцкий вынужден вслед за своими единомышленниками повторять эту нелепую, на мой взгляд, эволюционную версию «возникновения» рода Ното. Если австралопитеки и дали начало (в любом смысле этого слова, хоть микрорволюционном, хоть учетно-канцелярском на бумаге) роду Ното в лице хомо хабилиса, то, строго говоря, они дали начало роду хомо «немного не тому», не нашему хомо, а хомо обезьяньему... (шутка). Если угодно, конечно, то можно обезьяну называть хоть «человеком умелым» (*Homo habilis*), хоть хомо суперсапиенсом, только сущность ее от этого не изменится и обезьяной она от присвоения «солидного» имени быть не перестанет.

Если я правильно понимаю дарвиновскую эволюцию как «восходящее развитие от простого к сложному», то австралопитеки - хабилисы - эректусы - сапиенсы фак-

«...Появившись примерно 4 млн. лет назад (Karpelman et al 1996), австралопитек афарский, насколько можно судить по имеющимся в настоящее время данным, оставался в течение следующего миллиона лет единственной формой гоминид».

При этом до самого своего условного вымирания 3 млн. лет назад (или ассимиляции) никак не изменяясь и ни во что не эволюционируя.

«...А. афаренсис рассматривают иногда в качестве предкового вида для всех остальных австралопитеков (кроме, разумеется, более древнего А. анамэнсис)...».

Что не совсем понятно в логике эволюционистов, так как *anamensis* тоже австралопитек и появился по эво-шкале лет эдак на 300-400 тыс. раньше афарского. Здесь хочу еще раз напомнить, что на полке анаменсиса лежат, кроме зубов и обломков челюстей, кости КР 271, принадлежащие человеку, которому все эти южные обезьяны приходились не родственниками, а **современниками**.

«...или, по крайней мере, в качестве наиболее приемлемого аналога для воссоздания морфотипа такого вида, но и то и другое – лишь рабочие гипотезы, которым еще предстоит выдержать...».

Тут автор, видимо, спохватился, не спугнёт ли он кого своей подозрительно излишней уверенностью:

«...(или не выдержать) проверку временем и новыми находками».

Понятно, что сие будет зависеть от новых находок. Можно смело предположить, что если родственники в ближайшее время не понаедут, то проверку *A. афаренсис* выдержит. Несмотря даже на такую внятную и конкретную роль предка, как «наиболее приемлемый аналог для воссоздания морфотипа такого вида». Это вроде как - я не ваш дядя, я просто напоминание, что у вас есть дядя. Вот это и называется «осталось решить лишь мелкие проблемы». Так мы пьем наше пиво. Так мы находим наших родственников.

Следующее заявление опять заставляет вспомнить Перл № 1, который уже всё более напоминает Перл-Харбор (неудачная шутка):

«...Особенно сложен и далек от разрешения вопрос о том, какая из групп поздних австралопитеков послужила субстратом дальнейшей эволюции человека, т.е. дала начало роду *Ното*, и наличествуют ли вообще останки представителей такой группы в добытом к настоящему времени палеонтологическом материале».

Э-эх! А как хорошо все начиналось! Назовем эту фразу Перл № 2 и сравним их.

Перл № 1: «Сейчас, можно сказать, уже не существует некогда столь волновавшей эволюционистов и их оппонентов проблемы «недостающего звена» между обезьяной и человеком, ибо «палеонтологическая летопись» слишком красноречива. Конечно, это не означает, что в ней вообще не осталось пробелов - пробелы есть, и они многочисленны, - но масштаб их таков, что может породить разногласия и споры только при обсуждении сравнительно узких, сугубо специальных вопросов, и недостаточен, чтобы вызвать сколько-нибудь серьезные сомнения в прямой причастности обезьян к нашей генеалогии».

Перл № 2: «...Особенно сложен и далек от разрешения вопрос о том, какая из групп поздних австралопитеков послужила субстратом дальнейшей эволюции человека, т.е. дала начало роду *Ното*, и наличествуют ли вообще останки представителей такой группы в добытом к настоящему времени палеонтологическом материале».

на сегодняшнюю обезьяну в вольере, о таких деталях, как переход части узконосых к питанию листьями 25 млн. лет назад? Никто не против фантазий, но... Скромнее, скромнее надо быть, товарищи! Соберитесь, возьмите себя в руки. Я поражаюсь мужеству исследователей, которые, держа в руках кусок зуба, не боятся именовать свои выводы научными. Более того. Я знавал эволюционистов, которым для этого и зуб-то был не очень нужен.

Самое ценное в этой книге, что Л. Вишняцкий действительно иногда пытается разобраться в вопросе и проблем эволюции не скрывает.

«...Так это или нет, но представления о филогенезе гоминоидов – как ископаемых, так и современных – пока и в самом деле далеки от какой бы то ни было ясности. ... К сожалению, огромный временной интервал, захватывающий весь поздний олигоцен, остается пока практически не охарактеризованным ископаемым материалом, и поэтому представить себе сколько-нибудь детально процесс расхождения двух ветвей узконосых обезьян невозможно. ... Протяженность бреши в палеонтологической летописи составляет не менее 5 млн. лет, причем приходится эта брешь именно на тот период, когда и совершалась радиация *Catarrhini*».

Вот так. Дело в том, что когда все морфологические реконструкции зашли в тупик, эволюционисты приняли на вооружение новый метод, о перспективах которого в Трудах Национальной академии наук США сказано: «С учетом филогенетических древ, построенных по данным молекулярной биологии, становится ясно, что филогенетические древа, построенные исключительно по данным краниологии (исследования по черепу. - А. М.) и дентологии (исследование по зубам. - А. М.) высших приматов, имеют низкую достоверность. Отсюда следует, что существующие филогенетические гипотезы об эволюции человека **вряд ли можно считать обоснованными** (выделено мной. - А. М.). Следовательно, **проблема филогенеза гоминид требует новых подходов**» (PNAS V. 97, no. 9, 5003-5006). Разумеется, что происшедшее нельзя назвать подменой и «сдачей Дарвина», но лишь исключительно новым методом доказательства теории эволюции - для того, чтоб хоть не мытьём, так катаньем подтвердить опрометчивые слова Дарвина о будущих находках переходных форм.

«...С середины шестидесятых годов для построения генеалогического древа отряда приматов (а также ряда других групп животных) стали использовать информацию, содержащуюся в макромолекулах белков и нуклеиновых кислот. Сопоставление последовательностей нуклеотидов в молекулах ДНК, взятых у современных церкопитекоидов и гоминоидов, говорит, по мнению большинства специалистов, о том, что эволюционные пути этих групп разошлись в интервале от 22 до 28 млн. лет назад. Таким образом, палеонтологические, и молекулярные данные, взятые вместе, позволяют считать, что самостоятельная филогенетическая история *Hominoidea* – группы, куда из ныне живущих приматов входят человек и человекообразные обезьяны (шимпанзе, горилла, орангутан, гиббон, сиаманг) – началась около 25 млн. лет назад».

Всем хорош, говорят, этот метод, за исключением одной маленькой детали – для получения результата мы должны сами ввести в расчетную формулу параметры, базирующиеся на... эволюционных предпосылках.. Понятно, что мы получим в этом случае любую ожидаемую цифру. Не понравится - изменим исходные допущения и получим другую и т. д.

«...Конечно, биомолекулярные методы филогенетических исследований нельзя считать абсолютно надежными и самодостаточными, они должны использоваться лишь наряду и в тесной связи с традиционными палеонтологическими и прочими методами. Однако, как показывает опыт, в том, что касается эволюции приматов (включая гоминид), биомолекулярный и палеонтологический анализ дают, как правило, вполне сопоставимые результаты».

Тут автор попал в точку, это абсолютная правда. Дело в том, что биомолекулярный и палеонтологический методы – одинаково непригодны для доказательства филогенетического родства. Этим они и сопоставимы!

...Но всё это пока были цветочки. Сложности начинаются дальше.

«...Поиск генеалогических корней семейства гоминид ведется уже в течение многих десятилетий, но достигнутые пока в этой области результаты оставляют желать много большего. В значительной степени это объясняется тем, что в Африке период от 12 до 4 миллионов лет назад (т.е. поздний миоцен – ранний плиоцен), когда должно было совершиться выделение гоминидной линии эволюции, очень плохо обеспечен палеонтологическими находками, что не позволяет точно определить предковую для всего семейства группу».

Сравним это высказывание с Перлом № 1, где говорится о красноречивости палеонтологической летописи и о том, что у палеонтологов в этой области остались только узко специфические, непринципиальные вопросы. Прошу обратить внимание, что здесь речь ведется уже не об антропоидах, а о наших непосредственных, «прямых предках», так называемом семействе гоминид. Непринципиальность и незначительность оставшихся вопросов просто умиляет.

«...Сейчас можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что эволюционные пути наших предков и предков наших ближайших родственников - современных африканских человекообразных обезьян, - разошлись где-то в интервале от 8 до 4 млн. лет назад. Правда, не совсем ясно еще, в какой последовательности это происходило, но постепенно накапливающиеся новые молекулярные и палеонтологические данные заставляют думать, что, скорее всего, сначала от общего ствола отделилась линия гориллы, а затем шимпанзе (Sibley & Ahlquist 1987; Vegun 1992; Bailey 1993; Wood 1994a; Ruvolo 1995). Примечание: Для полноты картины следует упомянуть еще весьма экзотическую гипотезу, согласно которой шимпанзе и горилла являются потомками австралопитеков, вторично приспособившимися к четвероногости (Edelstein 1987; Verhaegen 1990, 1994)».

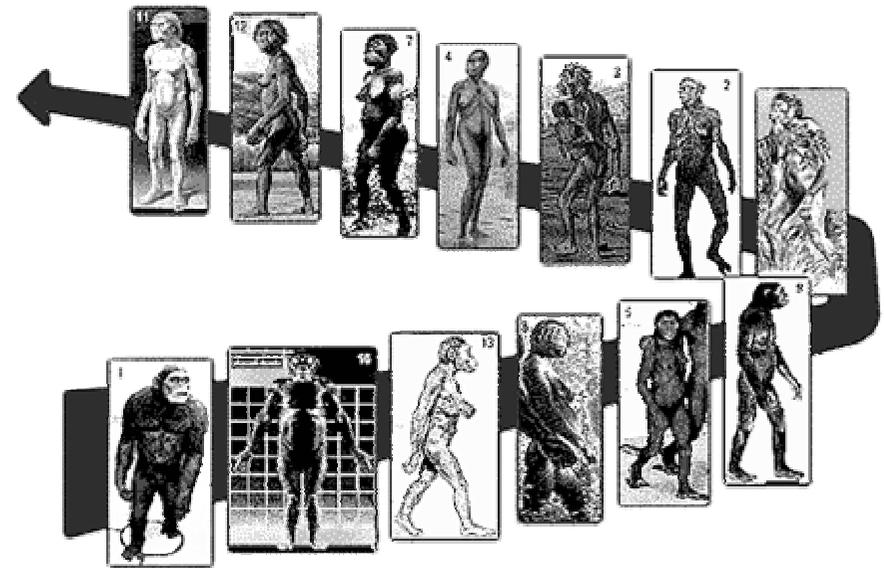
Все эти методы вкупе с неопределенностью высказываний очень напоминают гадания на кофейной гуще. С тем же успехом можно погадать на картах, кто из гоминид наш ближайший родственник и заявить, что «данные заставляют думать, что, скорее всего» сначала от общего ствола отделились не шимпанзе и не гориллы, а нечто третье. Чем этот «метод» хуже? Данные, представленные бабкой Дарьей, заставляют думать то-то и то-то... Нерешенные проблемы еще, конечно есть, но «масштаб их таков, что может породить разногласия и споры только при обсуждении сравнительно узких, сугубо специальных вопросов, и недостаточен, чтобы вызвать сколько-нибудь серьезные сомнения в прямой причастности обезьян к нашей генеалогии» (Перл № 1).

«Сопоставление ДНК человека и шимпанзе указывает на то, что их последний общий предок жил в самом конце миоцена или начале плиоцена, в период примерно от 5,5 до 4 млн. лет назад (Sibley C.G. & Ahlquist J.E. 1987; Hasegava 1992)».

ту нашего вестибулярного аппарата при «настоящем», а не фрагментарном прямохождении. У австралопитеков же и хабилисов строение полукружных каналов похоже на строение их у шимпанзе. Чего, собственно, и следовало ожидать, ибо австралопитеки, если и умели «держаться на ногах», то ходили совсем не так, как люди. По этой причине, например, трудно поверить, что четкие следы Лаэтоли оставили австралопитеки - будь это так, следы были бы гораздо более «размазаны» (не говоря уже о том, что отпечатки были бы еще и более «рукоподобны», с большим пальцем, отставленным на 90° в сторону.

Кремо и Томпсон пишут:

«[Чарльз] Окснард пришел к выводу, что мозг, зубы и череп австралопитека больше походили на обезьяны. Его лопатка приспособлена для того, чтобы он мог висеть и лазать по деревьям. Кисть руки такая же, как у орангутана. Кости таза адаптированы для передвижения на четырех конечностях и выполнения акробатических упражнений. То же самое можно сказать и в отношении структуры бедренной кости и лодыжки. «Анализ доступных нам данных, - писал в 1975 году Чарльз Окснард, - наводит на мысль, что животное имело средний рост, свободно чувствовало себя на деревьях: было способно лазать, выполнять акробатические упражнения и, возможно, висеть на передних конечностях».

Невероятно, но факт - даже 3 млн. лет спустя после смерти Люси продолжает эволюционировать. Здесь показано изменение взглядов «беспристрастных» исследователей Люси по мере того как нужда в переходной форме становилась все острее. Коллаж из рисунков ведущих научных и научно-популярных журналов.

жизни. Прямохождение австралопитека как признак, сближающий его с человеком – нонсенс. Коленный сустав австралопитека, подобного Люси, как известно, Д. Джохансон нашел в 2,5 км от других частей ее скелета и «пристроил» его к Люси так, чтобы она оказалась прямоходящей. Сам скелет Люси, как известно, представляет из себя, так сказать, не случайно обнаруженный артефакт, а конструктор-трансформер, скелет, собранный по итогам раскопок 1972-1977 гг. в Эфиопии из останков не менее 30 австралопитеков и в соответствии с «ожиданиями». Так что Люси в прямом смысле - «образ собирательный». В принципе, форма таза австралопитека приспособлена для фрагментарного прямохождения, но многие признаки (длина рук, устройство стопы и др.) говорят о смешанном, древесно-наземном образе жизни. Бежать, например, в вертикальном положении Люси уже не могла. В фрагментарном прямохождении обезьян нет ничего из ряда вон выходящего, если эту особенность не использовать для эволюционных подтасовок (см. рисунок).

Следующая фраза Л. Вишняцкого повергла меня в состояние, подобное состоянию персонажа из телевизионной рекламы шоколада «Шок»:

«О двуногости австралопитеков говорит и анализ их следов, сохранившихся в туфе на местонахождении Лаэтоли в Танзании (возраст следов около 3,6 млн. лет)».

Но вот что по этому поводу говорят М. Кремо и Р. Томпсон:

«Наиболее полное современное исследование этих следов провел ученый Рассел Таттл (Russel H. Tuttle) по просьбе Мэри Лики. Таттл не только подтвердил несомненную принадлежность человеку следов гоминида из Лаэтоли, но и описал их как «неотличимые от обычных следов босых ног Homo sapiens». ... Он не только опроверг мнение о том, что следы из Лаэтоли принадлежат Australopithecus afarensis, но и обнаружил, что предыдущая работа по этим следам, приведшая к такому выводу, содержала серьезные ошибки.

...Почему же тогда эволюционисты не признают эти следы человеческими? Потому что эти следы не соответствуют временной шкале теории эволюции - они якобы слишком древние для того, чтобы принадлежать настоящим людям. Это - классический пример подгонки фактов под предубеждения. Стремясь защитить теорию эволюции, ее сторонники отказываются называть древние ископаемые их настоящими именами. Таким образом, очевидно, что мы имеем дело с мировоззрением, а не с наукой».

«Еще ряд признаков, прежде всего таких, как S-образный изгиб позвоночного столба и положение затылочного отверстия в основании черепа, свидетельствуют о «строительстве» австралопитека, выпрямленном положении его тела, что вполне соответствует выводу о прямохождении этого существа. Тенденцию к развитию в сторону сближения с человеком демонстрируют также зубная система (слабая выраженность или отсутствие диастемы, более U-образная, в отличие от V-образной обезьяньей, форма зубной дуги и т.д.), некоторые кости черепа и, в гораздо меньшей степени, верхние конечности».

Всё – мимо. Австралопитеки и хабилисы жили в одно время с людьми-эректусами (да и с хомо сапиенсами, между нами) и уже по одной этой причине не могли быть предками человека. Мало того, что это разные биологические виды, оставшиеся всю свою историю неизменными. Между ними и людьми – есть еще и абсолютно четкие анатомические различия, выражающиеся прежде всего в особом строении человеческого внутреннего уха, так называемых полукружных каналов, которое отличает людей от всех остальных приматов и обеспечивает рабо-

Модель она и есть модель. Любая теоретическая модель тем и хороша, что при желании позволяет рассмотреть и рассчитать что угодно - хоть родство с телеграфным столбом. Бессмыслица, однако, не перестает быть бессмыслицей, даже если она «модельная». С шимпанзе наши совпадения по ДНК составляют 95%, с мышью 90%, с земляным червяком 75%. Если бы требовалось вывести происхождение человека от земляного червяка, то согласно этой модели, линии человека и червяка разделились бы у нас 100 млн. лет назад, а линия мыши отделилась от нашей 50 млн. лет назад (цифры, разумеется, произвольные, для примера).

«Немногочисленные ископаемые материалы по гоминидам, имеющиеся для этого временного интервала, в общем отвечают ожиданиям (здесь и далее выделено мной. - А.М.), вытекающим из анализа молекулярных данных».

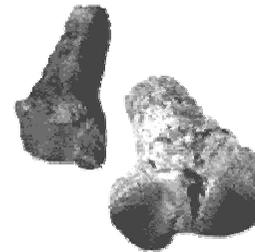
Это хорошо, что «получилось», что всё сходится. Особенно, если знаешь, чего «ожидается». Но вот как дела обстоят в реальности. Давайте посмотрим, как ископаемые «отвечают ожиданиям» - и, надо думать, ожиданиям напряженным?

«Эти материалы могут быть условно разделены на три группы. В первую группу войдут единичные находки (главным образом зубы и обломки нижней челюсти, а также фрагмент плечевой кости) с ряда местонахождений Кении (Лукейно, Лотагам, Табарин), которые с большей или меньшей степенью уверенности определяются как останки самых ранних гоминид, но без указания точной таксономической принадлежности».

Это точно. Фраза «большая или меньшая степень уверенности» – означает, что не уверены ни в чем. «Без указания точной таксономической принадлежности» - означает, что костные фрагменты принадлежат неизвестно кому и просто «приписаны к обозу». Например, принадлежность коренного зуба из Лукейно не ясна – то ли он гоминидный, то ли им цыкал в свое время шимпанзе. Ценность этих находок столь велика, что их даже не включают в каталоги ископаемых останков гоминид, видимо, чтобы не разбрасываться понапрасну столь ценной информацией.

«...Вторую группу составят многочисленные находки зубов и челюстных фрагментов, дополняемые несколькими костями посткраниального скелета, с местонахождений Канапои и Алиа Бэй (тоже Кения). Эти материалы, имеющие возраст чуть более 4 млн. лет, послужили для выделения вида Australopithecus anamensis (Leakey et al., 1995, 1998), рассматриваемого сейчас в качестве наиболее вероятно предка позднейших австралопитеков».

Пикантность ситуации заключается в том, что кость из Канапои, о которой идет речь, принадлежит... человеку. Вот что пишут о ней Майкл Кремо и Ричард Томпсон, авторы «Неизвестной истории человечества»:

«Ископаемое, известное под названием КР 271 (дальняя часть плечевой кости в отличной сохранности, обнаруженная в 1965 г. Брайаном Паттерсоном (Bryan Patterson), сотрудником Гарвардского университета), эволюционисты датируют возрастом в 4,5 миллиона лет. Таким образом, выходит, что это - самое древнее из найденных ископаемых человеческих останков, возраст которого больше, чем возраст Люси и всех австралопитеков. К удивлению эволюционистов, это древнейшее ископаемое оказалось полностью идентичным плечу

Homo sapiens (современного человека), причем оно представляет собой анатомический объект, по которому легко отличить человека от остальных приматов - ныне живущих и вымерших. Это наталкивает на мысль о том, что настоящие люди существовали прежде, чем в летописи окаменелостей появились австралопитеки. Паттерсон, его сотрудники и многие другие ученые проводили морфологическое и комплексное исследование этого образа, но так и не нашли отличий KP 271 от Homo sapiens. Тем не менее, как ни странно, этому ископаемому было дано название австралопитека - исключительно в силу древнего возраста, несмотря на все научные свидетельства. Эволюционисты «знают», что настоящие люди не могли существовать раньше, чем австралопитеки, даже если бы летопись окаменелостей показала бы обратное; ведь считается, что люди произошли от австралопитеков; таким образом, эволюционная теория подталкивает ученых к необоснованному выводу.

«Наконец, третью группу образуют остатки скелета, найденного на местонахождении Арамис в Эфиопии (в регионе, известном под названием Средний Аваши), в слое, сформировавшемся около 4,4 млн. лет назад. Этот материал находился к моменту открытия в очень плохом состоянии, и пока были изучены только зубы и фрагменты черепа, а также головка плечевой и обломок лучевой костей. Анализ этих находок привел сначала к провозглашению нового - самого древнего - вида австралопитека (White et al. 1994), но через несколько месяцев авторы первого описания костей из Арамис сочли их обладателя достойным более высокого - родового ранга и опубликовали поправку, в которой вместо вида Australopithecus ramidus представили коллегам род и вид Ardipithecus ramidus (White et al., 1995)».

Ох уж эти шутники... Все здесь смешно - начиная от того, что «остатки скелета» способны образовать целую группу («третью группу образуют остатки скелета») и заканчивая историей про то, как австралопитек пошел на повышение. Вы только посмотрите на этого родственника... Кажется, это самая крупная из частей гипотетического предка. Полное имя фрагмента ARA-VP-1/129 (Этот наш предок был армянин?). Фотографии остальных 16 микроскопических кусочков Steven Hespil, например, даже не стал помещать в свой каталог.

Согласитесь, не правда ли, что этот предок гораздо больше похож на ардипитека рамидуса, чем на австралопитека рамидуса? А если серьезно, то у многих ученых (Benefit, McCrossin) вообще есть сомнения по поводу «гоминидности» этого «представителя третьей группы». Есть вероятность, что под видом раннего гоминида нам откровенно «впаривают» обезьяну. Ведь это не только у нас, людей, проблемы - австралопитеку тоже нужно предшественника среди чего-нибудь такого, гоминидного, искать.

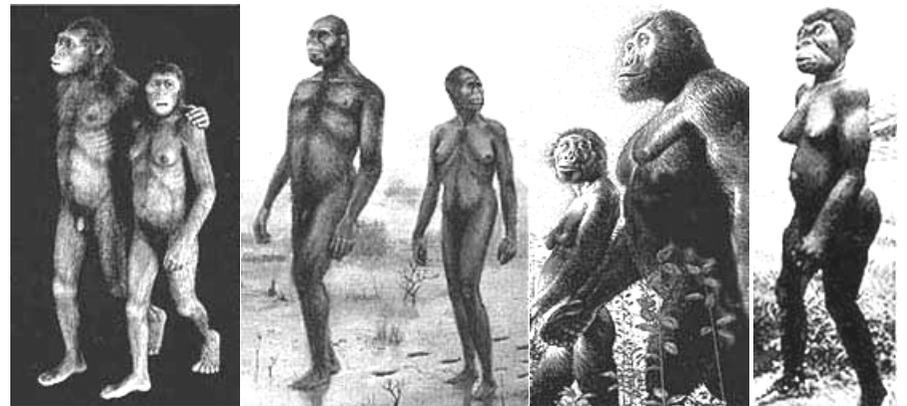
И опять о «полноте» летописи предков:

«...Пока рамидус еще не изучен как следует, а о его гипотетических современниках и тем более предшественниках вообще почти ничего не известно, австралопитеки остаются главным источником сведений о самых ранних стадиях филогенеза наших предков. К счастью, в отложениях возрастом от 3,8 до 2 млн. лет кости их довольно многочисленны, и каждый год приносит новые находки».

К счастью - для кого? Для австралопитека? А что если - страшно даже подумать! - австралопитеки вообще не имеют никакого отношения к человеку? Вот «счастье»-то будет! Какие тогда будут мысли вместо Перла № 1?

«...За пределами Африки достоверных находок костей австралопитеков неизвестно, хотя время от времени появляются сообщения об обнаружении таковых в Восточной Азии. Сообщения эти, однако, воспринимаются большинством специалистов скептически, поскольку материалы, на которых они основываются слишком фрагментарны и не поддаются однозначной идентификации, а их датировки взаимно противоречивы».

Ну, не будем наивными. Скептицизм ученых «научно» обоснован - если вдруг начать в упор замечать австралопитеков в Азии, то рухнет африканская теория происхождения человека, а такого путающего все карты добра эволюционистам не нужно.

Прямохождением лучше всего заниматься вдвоем. Из рисунков National Geographic и Nature мы можем узнать, что австралопитеки не только ходили вертикально, но при этом уже и обнимались. Люси, как настоящая женщина, не может без спутника жизни. И только оставшись в одиночестве, становится злой и раздражительной мегерой.

«Главной особенностью австралопитеков, сближающей их с людьми и отличающей от более ранних гоминоидов, а также современных человекообразных обезьян, считается двуногость. Многие, свойственные этим гоминидам, анатомические особенности, в частности, их короткий и широкий таз, сводчатая стопа, противопоставляемый большой палец ноги, наличие выраженного угла между бедренной и большой берцовой костями, а также ряд других показывают, что они передвигались уже не на четырех, а на двух ногах, хотя, вероятно, сохраняли при этом и некоторые анатомические черты, связанные с древесным образом жизни».

Скромно, однако, сказано, без напора. Да, собственно, не «вероятно», а точно сохраняли, и сохраняли не только анатомические черты, но и сам древесный образ